

Айвазова Э.Р.

СЕМАНТИКО – ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ЛЕКСИКИ

В настоящее время, когда вопрос о системной организации лексического состава языка перестал быть дискуссионным, усилия лингвистов направлены на распознавание природы и специфики лексической системы. Исследователями отмечается, что системные отношения в лексике имеют качественно иной характер по сравнению с системностью в фонетике и морфологии [9, с. 5], а также, что «установление системных отношений в лексике сложнее, чем на других уровнях языка» [6, с. 72].

Наиболее актуальным на современном этапе является установление и описание видов лексических парадигм, влекущее за собой действительное распознавание сущности системности словарного состава языка.

Целью этой статьи является теоретическое обоснование понимания частей речи как семантико – функциональных парадигм словарного состава языка.

Частными задачами проводимого исследования является: 1. определение лексической парадигмы и ее специфики; 2. описание категориального значения в лексике, как интегрального признака парадигмы.

Признается, что «к лексико – семантической системе относится вся область смысловых отношений лексических единиц, своеобразие типов их группировок и характер взаимодействия их друг с другом (лексическая парадигматика) и с элементами других подсистем языка, условия и формы языкового выражения результатов семантического варьирования словесных знаков (лексическая синтагматика)» [15, с. 412].

Парадигматические отношения в лексике детерминируют разбиение всех лексических единиц по определенным микросистемам – парадигмам, скрытым, непосредственно не наблюдаемым и лишь косвенно присутствующим в форме содержащихся уже в самой лексической единице правил ее функционирования в речи.

Традиционно термин «парадигма» связывается с морфологией, а затем с фонологией. Однако с признанием того, что парадигматические отношения пронизывают всю языковую систему, он стал употребляться применительно к синтаксису и лексикологии.

«Можно с уверенностью полагать, что понятия парадигмы, дифференциальных признаков, дистрибуции, нейтрализации вполне естественно распространяются на все уровни языка, в том числе и на лексику ...» [16, с. 12].

Действительно, понимание «парадигмы» как совокупности языковых единиц, находящихся в отношении отождествления и противопоставления одновременно, вполне приемлемо для лексикологии. «Системный характер словарного состава языка обнаруживается, в первую очередь, в распределении слов по некоторым семантически объединенным лексическим группам – лексико - семантическим парадигмам. Каждое слово языка входит в определенную лексико - семантическую парадигму, причем, чаще всего в силу своей многозначности, не только в одну» [10, с. 48]. Все единицы лексической парадигмы отождествляются по какому-либо признаку, существенному и основному, присущему всем без исключения членам ряда, и противопоставляются по другим (дифференциальным) признакам [7, с. 85].

В грамматике парадигма всегда соотносена с определенной грамматической категорией, выступает как средство реализации грамматического значения. Понятие грамматической категории выявляется только на фоне парадигмы [3, с. 117].

В лексике подобным же образом термин «парадигма» должен рассматриваться в связи с понятием лексической категории. Иными словами, лексическая парадигма соотносится с лексической категорией, которую, в свою очередь, можно охарактеризовать как лексическое или лексико – грамматическое значение, реализуемое в противопоставленных членах. Категориальное значение – это значение, присущее парадигме в целом и каждой единице этой парадигмы, т. е. являющееся интегральным признаком парадигмы.

Однако, как считает Д. Н. Шмелев, «многие слова (взятые в одних и тех же значениях) являются одновременно членами не одной, а нескольких лексико – семантических парадигм ..., в которых они противопоставлены другим словам по различным семантическим признакам» [17, с. 190]. Иллюстрируя сказанное словом река, в определении лексического значения которого должно войти указание на то, что это «водоем» – во – первых, определенных размеров, во – вторых, определенной формы, обусловленной характером течения воды, в – третьих, естественного происхождения, автор указывает, что по первому признаку слову река противостоят такие слова, как речка, ручей; по второму – такие как пролив, озеро, море, океан, по третьему – такие как канал, пруд, водохранилище [17, с. 190].

Особенно важной, поэтому является проблема выделения релевантных признаков, на основе которых может осуществляться распределение лексических единиц по парадигмам. Ведь можно выделить «несущественные» признаки и, следовательно, отношения, устанавливаемые на их основе, также будут нерелевантными для лексической системы. Еще Л. В. Щерба писал, что «всякая классификация подразумевает некоторый субъективизм классификатора, в частности до некоторой степени произвольно выбранный *principium divisionis*. Таких принципов деления можно было бы выбрать очень много, и соответственно этому, если задаться целью «классифицировать» слова, можно было бы устроить много классификаций слов, более или менее остроумных, более или менее удачных» [18, с. 78].

Размышляя о частях речи, как одном из способов классификации лексического состава языка, Л. В. Щерба писал, что в этом вопросе «исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким – либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или, точнее, - ибо дело вовсе не в «классифи-

кации», - под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе» [18, с. 78-79].

Ту же мысль и по тому же поводу выразил В. В. Виноградов, цитируя следующее высказывание И. А. Бодуэна де Куртене: «...наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав» [2, с. 38].

В. М. Жирмунский подчеркивает, что «классификация объектов науки, существующих в реальной действительности, природе или обществе, на самом деле вовсе не требует той формально – логической последовательности принципа деления, которая необходима для классификации отвлеченных понятий. Она требует только правильного описания системы признаков, определяющих в своей взаимосвязи данный реально существующий тип явлений» [4, с. 61]. Приводя в качестве примера «реальной классификации» деление в зоологии позвоночных животных на классы млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и рыб, не основывающейся на каком – либо едином логическом принципе, автор указывает, что «такой же реальной, а не логической классификацией является выделение частей речи как действительно существующих в языке классов слов» [4, с. 62].

Следует согласиться с мнением, что предпринятый ряд попыток создать классификацию частей речи, соответствующую бы основным правилам логического классифицирования, не увенчались успехом и «лингвисты вынуждены вернуться к прежнему подразделению, и в настоящее время, как и ранее, несогласия сводятся к спорам относительно существования некоторых мелких подразделений, например, слов “категории состояния» [5, с. 125-126].

Принцип классификации по частям речи, «навязываемый самой языковой системой», в полной мере относится к любой классификации лексического состава языка и должен стать основным при исследовании системных свойств лексики. Т. об., при выявлении системности лексического состава языка, специфических особенностей и характера лексической парадигматики необходимо исходить не из каких – либо априорных, навязываемых языку схем или привнесенных из логики классификационных критериев, а из признаков, являющихся существенными характеристиками конститuentов этой системы.

Слову как основной единице языка – лексической и грамматической – присущи два вида значений: лексическое, индивидуальное, выделяющее данную лексическую единицу из всей совокупности лексических единиц языка, и грамматическое, объединяющее слова в довольно крупные по количеству представленных в них единиц классы или разряды.

«Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собой внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений», пишет В. В. Виноградов [2, с. 18]. Это свойство лексических единиц, тесная связь и глубокое взаимодействие лексических и грамматических значений подчеркивается в трудах А. А. Потебни [10],

Л. В. Щербы [18] и многих других лингвистов. Искусственное расчленение этих двух аспектов значения при анализе лексики языка приводит к ее одностороннему описанию. Только признание неразрывности, единства в слове лексического и грамматического значений может способствовать воссозданию картины лексической парадигматики, и далее системности поскольку «грамматические различия пронизывают всю лексику, организуя ее изнутри» [7, с. 128].

Наиболее общим грамматическим признаком, содержащимся в слове, является категориальное значение, именуемое так потому, что, говоря словами

А. А. Потебни, оно представляет собой «указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других» [10, с. 35].

Например, категориальным грамматическим признаком, объединяющим все глаголы в рамках одной части речи, является признак «действия», понимаемого в самом широком смысле. «Такого же рода обобщенные признаки составляют семантическую основу и других частей речи» [8, с. 80].

Определение категориального значения лексико – грамматического класса глаголов как «действие» условно, так как глагол может выражать состояние, отношение, процесс, событие и прочее – этот вопрос должен стать темой самостоятельного исследования и описания. Сейчас же важно подчеркнуть, что «наличие общих признаков в значении предопределяет типичные способы функционирования слов, относящихся к одному классу, в составе предложения, создает единообразие их синтагматических характеристик. Так все глагол как элементы грамматического класса обладают уникальной функцией простого сказуемого, способностью согласовываться с существительным в именительном падеже, управлять существительными в косвенных падежах, присоединять к себе наречия» [8, с. 81].

При рассмотрении соотношения лексического и категориального грамматического значений в слове лингвистами отмечается «несамостоятельность», «дополнительность» грамматического значения [10, с. 68], но определить его общие и существенные признаки далеко не просто. Положение о том, что грамматическое значение всегда имеет то или иное (в зависимости от строя языка) языковое выражение, т. е. формальный показатель, а лексическое значение выражается отдельным слом или словосочетанием правильно, но недостаточно, так как существуют слова, выражающие только грамматическое значение.

Разграничение двух видов значения с точки зрения содержания, при котором лексическое значение определяется как «конкретное», - «существенное», а грамматическое – как «общее», «обобщенное», также не является достаточно ясным. Слово может иметь своим содержанием какие угодно общие, какие угодно отвлеченные понятия, например, «отношение», «категория», «возможность» и т. п. [17, с. 7- 9].

Наиболее лаконичное объяснение соотношения лексического и грамматического значений в слове дает М. И. Стеблин – Каменский: «По – видимому наиболее существенным для различия между грамматическим

и лексическим значениями является то, что они играют неодинаковую роль по отношению к нашему мышлению в процессе речи. На то, что основным признаком значения является определенное отношение к нашему мышлению, указывали очень многие грамматисты, правда, обычно, мельком». Лексические значения образуют основной материал нашей мысли, и только, в этом смысле они «вещественны» или «предметны», т. е. не в буквальном смысле, а в очень специфическом, фигуральном смысле. Грамматические же значения придают нашей мысли оформленность. Не без основания поэтому первые называются некоторыми грамматистами также «основными», «самозначащими», а вторые – «сопутствующими», или «формальными». Таким образом по отношению к нашему мышлению в процессе речи основное свойство грамматических значений можно было бы назвать «несамостоятельностью». «Несамостоятельность» эта сказывается прежде всего в том, что они не предмет нашей мысли, что наша мысль никогда не сосредоточена на них, что они не называют и не фиксируют содержание нашей мысли, как это делают лексические значения, а лишь сопутствуют лексическим значениям и оформляют их; одним словом, что они – как бы форма по отношению к содержанию нашего мышления» [14, с. 13].

Здесь уместно отметить, что ввиду «несамостоятельности» категориальных грамматических значений их установлению должен предшествовать анализ лексических значений. «Определение лексических значений слова уже включает в себя указание на грамматическую характеристику слова», пишет В. В. Виноградов [2, с. 18].

Выше уже подчеркивалось, что категориальное грамматическое значение слова не только определяет, под какую категорию подводится то или иное слово, но и предопределяет его функционирование. Более того, существует мнение, что и «грамматическое значение не может быть определено иначе, как путем описания его функций» [13, с. 23]. Следовательно принадлежность слова к той или иной лексико – грамматической категории детерминирована его семантическими и функциональными особенностями. Поэтому части речи называются еще семантико – функциональными классами или разрядами. Этот термин не противоречит традиционному определению частей речи как лексико – грамматических классов, но является более точным, поскольку, как подчеркивает Б. А. Серебрянников, «части речи просто выделяются по семантико – функциональному признаку. Конечно, должны приниматься во внимание и другие критерии их различия, если структура данного языка позволяет их учитывать, но не эти их признаки являются определяющими» [12, с. 27].

Размышляя о частях речи, Б. А. Серебрянников пишет также: «При определении частей речи следует положить в основу учение о функционально – семантических разрядах. В этом самое самое главное. Второстепенным объектом изучения являются различные степени морфологизации частей речи, дающие очень пеструю картину в разных языках. Слабая морфологическая оформленность не означает отсутствия разряда. Функционально – семантические разряды – основа учения о частях речи» [12, с. 27].

Такая точка зрения хорошо согласуется со взглядами Л. В. Щербы. Критикуя «морфологизм» школы Ф. Ф. Фортунатова, он пишет: «Впрочем едва ли мы потому считаем стол, медведь за существительные, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные. Я полагаю, что все же функция слова в предложении является всякий раз решающим моментом для восприятия» [18, с. 79]. Далее Л. В. Щерба подчеркивает важность значения для определения части речной принадлежности слова: «... если в языковой системе какая – либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или иное слово под данную категорию: если мы знаем, что какаду – название птицы, мы не ищем формальных признаков того чтобы узнать в этом слове существительное» [18, с. 80-81].

Выводы

В силу всего вышесказанного имеются достаточно обоснованные основания считать части речи как семантико – функциональные классы слов лексическими парадигмами, члениющимися в свою очередь на семантико – функциональные подклассы и разряды.

Необходимо упомянуть о собственно лексико – семантических парадигмах, выявляемых в словарном составе любого языка, таких как семантические поля, лексико – семантические группы и подобное. Специфика и характер взаимоотношений семантико – функциональных и лексико – семантических парадигм словарного состава языка должна стать темой самостоятельного описания.

Источники и литература

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикографии. - Москва.: Гос. уч.- пед. из - во мин. просв. РСФСР, 1957.-296с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) Изд. 2-е. - М.: Высшая школа, 1972.- 613с.
3. Гухман М. М. Грамматическая категория и структура парадигм.- Исследование по общей теории грамматики.- М.: Наука, 1968.
4. Жирмунский В. М. О природе частей речи и их классификации. в кн. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание.- Л.: Наука, 1976.- С.60-82.
5. Иванова И. П. О полевой структуре частей речи в английском языке. В кн. Теория языка, методы его исследования и преподавания.- Л.: Наука, 1981.- С.125-129.
6. Иванова Т. Ф. Частичное гнездование слов в учебном толковом словаре для иностранцев. Проблемы учебной лексикографии.- М.: из-во Моск. ун-та, 1977.-С.72-84.

7. Кузнецова Э. В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов. Вопросы металингвистики.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.- С. 84-94.
8. Маковский М. М. Теория лексической аттракции (опыт функциональной типологии лексико – семантических систем).- М.: Наука, 1974.-252с.
9. Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1972.-202с.
10. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. т. 1-2.- М.: Учпедгиз, 1958.- 500с.
11. Серебрянников Б. А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания. В кн. Принципы описания языков мира.- М.: Наука, 1976.- С.7-52.
12. Стеблин – Каменский М. И. К вопросу о частях речи. Спорное языкознание.- Л.: из-во Ленингр. ун – та, 1974.- С. 19-34.
13. Стеблин – Каменский М. И. Об основных признаках грамматического значения. Спорное языкознание.- Л.: из-во Ленингр. ун – та, 1974.- С. 3-
14. Уфимцева А. А. Лексика. Общее языкознание. Внутренняя структура.- М.: Наука, 1972.- С. 394-456.
15. Шмелев Л. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка).- М.: Наука, 1973.- 280с.
16. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика.- М.: Просвещение , 1977.- 334с.
17. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. В кн. Щерба Л. Б. Языковая система и речевая деятельность.- Л.: Наука, 1974.- С. 77-100.

Эмирусейнова Э.Н.

ГЛАГОЛЫ С ПОСЛЕЛОГАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение объектных связей глаголов в английском языке, выражаемых посредством закрепленных предлогов и объектных связей глаголов в крымскотатарском языке формами дательного, винительного, исходного падежа имеет большое практическое значение, широко известно и лингвистам исследователям и преподавателям иностранных языков и тем, кто изучает языки, национальная специфика языка ярко проявляется в правилах сочетания слов посредством предлогов, что эта специфика с наибольшей силой проявляется в употреблении предлогов, являющихся как бы простым морфологическим знаком управления глагола. При усвоении родного языка, а при изучении иностранного особенно, система употребления предлогов после глаголов, представляет наибольшие трудности. Закрепленными предлогами в современном английском языке называются предлоги, употребленные в одном из отвлеченных значений для передачи главным образом объектных отношений определенных лексических единиц различных разрядов слов, чаще всего глагола, реже существительных, прилагательных и наречий [1].

Проблеме эквивалентности языков посвящены работы таких ученых как: Баскаков А.Н. [3], Кунин А.В. [4, 5], Суник О.П. [10], Солнцев Н.В. [11] и других, но не смотря на это существуют нерешенные вопросы.

Цель статьи - выявление закономерностей соответствий в выражении объектных отношений в изучаемом и родном языке, в английском и крымскотатарском языке.

Глагол в одном определенном значении может распространяться одним или несколькими объектными зависимыми членами, из которых, по крайней мере один вводится предлогом. Объектное отношение к предложному зависимому члену выражается посредством определенного предлога.

Группа глаголов с предлогами могут принимать:

1. Один объектный зависимый член: to listen to smb., to look at smb., to wait for smb., to rely on smb., to depend on smth..
2. Такие глаголы, которые могут принимать 2 зависимых члена, to accuse smb. on smth., to devote smth. to smb. to congratulate smb. of smth.. Глаголов, которые принимали бы 2 зависимых члена и оба они вводились бы постоянно одними и теми же предлогами очень мало;
3. Глаголов, которые принимали бы 2 зависимых члена и оба они вводились бы 2-мя предлогами их очень мало:
to appeal to smb. for smth., to apply to smb. for smth., to differ from smb. in smth., to pay for smth. with smth., to depend on smb. for smth..
4. Редкими являются глаголы, принимающие 3 зависимых члена: to pay smb. smth. for smth., to ask smb. smth. about smth..

Предлог about при глаголе to ask не является закрепленным, поскольку глагол to ask в значении спрашивать часто выступает и без этого предлога и такой же зависимый член может выступать и при других глаголах: to read about smth., to write about smth., to think about smb..

Закрепленность предлога не связана с понятием закрепленности обязательности зависимого члена. При многих глаголах, при которых объектный зависимый член обычно выступает с определенным предлогом, сам зависимый член не является обязательным. Например глаголы to listen, to look, to wait, to congratulate, сохраняя свое значение могут выступать и без зависимого члена и без предлога, вводящего этот член. Однако каждый раз, когда глагол употребляется с зависимым членом появляется предлог. Так что важно не то, что глагол to ask может употребляться без зависимого члена с предлогом about, а важно то, что когда этот зависимый член появляется, он появляется с предлогом about. Этим и отличается глагол to ask от гла-